

УДК 821.161.1

Е. А. Скоробогатова

ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (ИНВАРИАНТЫ И ВАРИАНТЫ)

Е. А. СКОРОБОГАТОВА. ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (ИНВАРИАНТЫ И ВАРИАНТЫ)

В работе рассматривается развитие темы детства в русской литературе второй половины XIX века. Описано несколько инвариантов художественных образов детей на примере индивидуально-авторских вариантов, представленных в романах Льва Толстого, Федора Достоевского и Михаила Салтыкова-Щедрина. Рассмотрены художественные варианты инвариантов ребенок-чудо, ребенок-жертва, ребенок-взрослый и ребенок-чудовище. Утверждается, что первые три инварианта разработаны русской классической литературой весьма широко, последний лишь намечен, представлен одиночным образом. Высказана гипотеза, что эти инварианты постепенно складываются в литературе XIX века, а затем развиваются и трансформируются в литературе века XX.

Ключевые слова: художественный образ, образ-инвариант, образ ребенка, тема детства, ребенок-взрослый, ребенок-жертва, ребенок-чудо, ребенок-чудовище.

О. О. СКОРОБОГАТОВА. ДИТЯЧІ ОБРАЗИ В РОСІЙСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ XIX СТОЛІТТЯ (ІНВАРІАНТИ І ВАРІАНТИ)

В статті розглянуто розвиток теми дитинства у російській літературі XIX століття. Виділено декілька інваріантних образів дітей, які сформувалися в цей період, на прикладі індивідуально-авторських варіантів, що створені в романах Льва Толстого, Федора Достоевського та Михайла Салтыкова-Щедрина. Характеризовані інваріанти дитина-чудо, дитина-дорослий, дитина-жертва та дитина-чудовисько. Висловлюється гіпотеза, що ці інваріанти формуються у літературі XIX сторіччя, а потім розвиваються та трансформуються у літературі сторіччя XX.

Ключові слова: художній образ, образ-інваріант, образ дитини, тема дитинства, дитина-жертва, дитина-чудо, дитина-дорослий, дитина-чудовисько.

O. O. SKOROBOGATOVA. CHILD IMAGES IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY RUSSIAN LITERATURE (INVARIANTS AND VARIANTS)

The development of childhood subject matter in the second half of the XIX century Russian literature has been considered in the following work. Some child images invariants on the examples of individual variants represented in the novels by Lev Tolstoy, Feodor Dostoevsky, Mikhail Saltykov-Shchedrin have been described. Fiction variants of child-miracle, child-victim, child-adult, child-monster invariants have been revealed. It has been claimed, that three invariants of child images have been deeply developed in the Russian literature although the invariant child-monster is poorly represented with one image only. It has been hypothesized, that the mentioned invariants gradually formed in the XIX century literature and developed in the XX century.

Key words: image, image-invariant, child image, childhood subject matter, child-adult, child-victim, child-miracle, child-monster.

*Эта статья посвящается
светлой памяти
Риты Никитичны Поддубной*

Историки литературы отмечают, что, начиная с первой трети XIX века, тема детства приходит в европейскую литературу и постепенно занимает в ней все более заметное место. Если интерес к теме детства у просветителей XVIII века носил в первую очередь характер воспитательный [4, с. 130], то развитие литературы и наук о человеке и обществе постепенно выделяет детство как особый период жизни человека, не только «подготовительный», но важнейший, порою прекраснейший, отличающийся от всех других. «Само понятие детства как само-

© Е.А. Скоробогатова, 2015

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.33570>

ценной стадии духовного развития могло возникнуть только на почве сентиментально-романтического умозрения» [4, с. 130], – отмечает М. Эпштейн.

Романтизм и сентиментализм как особые типы мировосприятия и мироотражения не только определяют новые формы литературы для детей, которая перестает носить подчеркнuto дидактический характер, но и вводит тему ребенка и детства в общую литературную тематику.

В русской литературе первой трети XIX века тему детства развивает Лермонтов, в поэзии, рассматривая детство как мир утраченной гармонии, чистоты и любви [4, с. 121], и в прозе, особенно в неоконченной повести «Вадим»: здесь мы видим и образ ребенка в колыбели, и мотив воспитания в монастыре, и страсти юноши, сознание которого формируется в одиночестве и страданиях. Очень важна лермонтовская характеристика дитяти: «Помню, как после смерти отца я покидал тебя, ребенка в колыбели, тебя, не знавшую ни добра, ни зла, ни заботы...» [5, т. 4, с. 28]. Ребенок не знает «ни добра, ни зла, ни заботы», ребенок мал, безмятежен и чист. Эта мысль будет высказываться и развиваться многими русскими писателями, найдет свое продолжение, осмысление и достигнет высочайшей убедительности у Достоевского.

Мир детства начинает восприниматься литературой XIX века как недостижимая вершина, утраченный приют, вернуться в который стремится и не может взрослый.

Тема детства как особого отрезка человеческой жизни подробно раскрывается в прозе Аксакова, Льва Толстого, Достоевского, Бунина. На наш взгляд, рассматривая и описывая типичные детские образы, возникшие в литературе этого периода, целесообразно разграничивать два типа произведений: романы и повести становления, прямо посвященные периоду детства, взрослению, отражающие динамику развития человеческой индивидуальности, начиная с самого раннего периода, и произведения, в которых детские образы возникают наряду с другими, где дети показаны как элемент многообразия человеческого мира. Здесь мы будем рассматривать произведения второго типа. Цель работы – выделение основных инвариантов образа ребенка в русской прозе XIX века, представленных в различных художественных вариантах в романах Толстого, Достоевского и Салтыкова-Щедрина.

Актуальность исследования темы детства в русской литературе с точки зрения выделения инвариантов определена вниманием современной филологии к закономерностям художественного мышления, поиску универсальных и индивидуальных путей представления значимых для человеческой культуры тем и понятий, исследованию литературного процесса и поэтики в русле изучения динамики определенных тем, мотивов и сюжетов.

Нами была выдвинута гипотеза, согласно которой в процессе развития классической русской литературы XIX века было выработано несколько инвариантов представления образа ребенка, которые воплотились в индивидуальных художественных вариантах и впоследствии легли в основу представления образов детей в мировой литературе XX века.

Основными инвариантами детских образов, на наш взгляд, являются: ребенок-чудо, ребенок-жертва, ребенок-взрослый и ребенок-чудовище.

Разумеется, такая классификация носит условно-схематический характер, но ее можно использовать в качестве рабочей, принимая во внимание художественное многообразие представления того или иного инварианта.

В рамках данной работы мы рассмотрим наиболее яркие, «типичные» художественные образцы каждого инварианта.

Образ ребенка-чуда нашел свое классическое воплощение в романах Льва Николаевича Толстого: Наташа Ростова и Петя Ростов, Сережа Каренин – вот самые яркие образы детей, вызывающих у автора оценку «чудесный», «удивительный»; их душевные движения описаны как живые и непосредственные, а взгляд на мир как счастливый и чистый.

Толстой так привязан к этим персонажам с их детски-непосредственным восприятием мира, что это вызывает ряд художественных следствий. Автор путается в возрасте персонажей, уменьшает его, подчеркивает детские черты у взрослеющих героев. Наташа Ростова, чудесный ребенок, так дорога Толстому, что автор дублирует персонаж, изобразив в эпилоге романа новую маленькую Наташу Ростову, дочь Николая и княжны Марьи (о повторении имен см. подробно [2, с. 146 – 151]). В «Эпилоге» появляется подробнейшим образом описанный детский персонаж, дочь Николая Ростова: «маленькая черноглазая трехлетняя Наташа» [6,

т. VII, с. 295], смеющееся личико которой так напоминает сцену именин (вбежала «черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая девочка...» [6, т. IV, с. 55]) в первом томе романа. Девочки (Наташи) и ведут себя похоже, несмотря на разный романый возраст. (Интересно, что сама Наташа уже является вариантом другой Натальи Ростовой, ее матери, которая неоднократно замечает и отмечает сходство младшей дочери с собою).

Другой, не менее дорогой автору образ, – Петя Ростов. Это как бы «мужской вариант» Наташи: искренний, непосредственный, чистый и честный мальчик, потом юноша. Инвариантный образ юноши-воина у Толстого («распускающийся розан») точно и подробно описан А. Т. Гулаком [1, с. 64 – 75]. В романе «Война и мир», на наш взгляд, образ Пети Ростова выступает как вариант образа ребенка-чуда, этот образ – «прелюдия» к образу юноши-воина, но Петя гибнет, и развитие этого инварианта прекращается.

Образ ребенка-взрослого, со всеми присущими взрослому негативными чертами, лишь ретроспективно намечен у Толстого в образе Веры. Если Наташа сохраняет черты непосредственного ребенка на протяжении длительного романного времени, то Вера сразу введена писателем в романый мир взрослых, она как бы и не была ребенком, хотя замечания о ее воспитании в произведении есть. Даже прозвище, которое дает Вере молодое поколение Ростовых, – «взрослое»: «Madame de Genlis». Да и автор относит к молодому поколению Бориса, Николая, Сою, Наташу, Петю [6, т. IV, с. 56], но не Веру. После ссоры с Верой в самом начале романа это молодое поколение удаляется в детскую, а Вера возвращается в гостиную ко «взрослым» делам и занятиям.

Детально и подробно инвариантный образ ребенка-взрослого разработан Ф. Достоевским. В рамках настоящей статьи мы не будем специально останавливаться на особенностях его индивидуально-авторского представления, заметим лишь, что композиционно-стилистические способы воплощения инвариантного образа ребенка-взрослого в романе «Братья Карамазовы» рассмотрены в диссертации Е. М. Юрченко [3], автор которой, приняв выдвинутую нами гипотезу, провела коммуникативно-прагматический и лингвистический анализ языка и стиля романа и показала, что образы Коли Красоткина и Лизы Хохлаковой характеризует речевое и коммуникативное поведение, характерное как для ребенка, так и для взрослого. В авторской характеристике персонажей, структуре образов, в способах введения образов в повествовательную канву также наблюдаем стремление подчеркнуть двойственность их сознания и поведения.

Общеизвестно, что классический ряд персонажей Достоевского, среди которых князь Мышкин, Настасья Филипповна, Алеша Карамазов, можно охарактеризовать как образы взрослых-детей. Это взрослые люди, сохранившие детскую чистоту сознания и стремление к гармонии и справедливости. Нам представляется, что образы детей-взрослых служат им контрастными парами: как взрослый может сохранить в душе чистоту и непосредственность ребенка, так и ребенок несет в своей душе семена прагматизма и жестокости к окружающему, столь типичные для взрослого мира.

Еще один инвариант, представленный в произведениях Ф. М. Достоевского различными художественными вариантами, – это инвариантный образ ребенка-жертвы. Мальчик у Христа на елке (персонаж не имеет имени, поэтому будем называть его так), Мари в «Идиоте», сохранившая детское сознание в результате болезни, Илюша Снегирев – жертвы нищеты и равнодушия, иногда жестокости или надругательств людей. Этот ряд может быть продолжен именами и описаниями (так как дети-жертвы у Достоевского часто не имеют имен). Достоевский, с одной стороны, развивает европейскую, а позже американскую традицию, которая тоже часто обращается к инварианту «ребенок-жертва», с другой – создает особый типаж беззащитного, уязвимого и гибнущего дитя.

И наконец, последний инвариант, представленный единичным, но очень выразительным вариантом, – инвариантный образ ребенка-чудовища. Таков Иудушка Головлев, детально описанный М. Е. Салтыковым-Щедриным. Все черты жестокого, безнравственного, прагматичного лицемера читатель видит в Иудушке с момента его появления на страницах романа. «Порфирий Владимырьч известен был в семействе под тремя именами: Иудушки, кровопивушки и откровенного мальчика, каковые прозвища еще в детстве были ему даны Степкой-балбесом. С младенческих лет любил он приласкаться к милому другу маменьке, украдкой поцеловать ее в плечико, а иногда и слегка понаушничать. Неслышно отворит, бывало, дверь маменькиной комнаты, неслышно прокрадется в уголок, сядет и, словно очарованный, не сводит глаз с маменьки, покуда она пишет или возится со счетами». При этом

мальчик смотрел на маменьку по-особому: «взглянет – ну, словно вот петлю закидывает. Так вот и поливает ядом, так и подманивает!» [7, с. 108]. Этот инвариант, не активно представленный в русской литературе XIX века, развивается литературой века XX. Детство, с одной стороны, теряет ореол абсолютной чистоты, а с другой, остается мерилom человечности.

Таким образом, интерес к теме детства как особого, отличающегося от всех других периода человеческой жизни, формирующего основы личности, отчетливо проявившийся в русской литературе XIX века и обозначившийся в творчестве ее крупнейших представителей, привел к утверждению ряда инвариантов детских образов: ребенок-чудо, ребенок-жертва, ребенок-взрослый и ребенок-чудовище, выступающих в широком спектре вариантов. Первые три оказались активно представленными уже в литературе XIX века, а последний, по сути только намеченный ею, стал основой для множественных вариантов его воплощения в литературе века XX. (Например, персонажи пьесы Л. Н. Разумовской «Дорогая Елена Сергеевна»; одноклассники Лены Бессольцевой в повести В. К. Железникова «Чучело», образ Лолиты у Набокова. Возникают и контаминированные образы, например, Лев Абалкин в повести «Жук в муравейнике» братьев Стругацких, на наш взгляд, совмещает черты ребенка-жертвы, ребенка-взрослого и ребенка-чудовища). Исследование динамики инвариантных образов детей в этот период и выявление особенностей их языкового представления у разных авторов является перспективой исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулак А. Т. О стилистике художественной прозы: Избранные статьи / Анатолий Тихонович Гулак. – Киев: «Українське видавництво», 2007. – 219 с.
2. Скоробогатова Е. А. Языковой сигнал рекурсивной организации художественного текста (повтор имени) / Е. А. Скоробогатова // Восточно-украинский лингвистический сборник: Выпуск пятнадцатый. Сборник научных трудов. – Вып. 15. – К.: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2014. – С. 146 – 151.
3. Юрченко О. М. Композиційно-стильові засоби створення інваріантного образу дитини-жертви та дитини-дорослого в художніх творах Ф. М. Достоєвського: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філологічних наук: спец. 10.02.02 – російська мова / О. М. Юрченко. – Харків, 2013. – 18 с.
4. Эпштейн М. Ирония идеала: парадоксы русской литературы / Михаил Эпштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 384 с.

ИСТОЧНИКИ

5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4-х томах. Т. 4. Проза. Письма / Михаил Юрьевич Лермонтов. – Л.: Наука, 1981. – 592 с.
6. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 20-ти томах / Лев Николаевич Толстой. – Т. IV – VII. – М.: Худож. литература, 1961 – 1963.
7. Салтыков-Щедрин М. Е. Избранные сочинения / Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. – М.-Л.: Государственное изд-во худож. л-ры, 1947. – 607 с.

(Статья поступила в редакцию 5 октября 2015 г.)